

4. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили / Будагов Р. А. — М.: Наука, 1967. — 376 с.
5. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики / Под ред. и с примеч. Р. И. Шор. — 3-е изд., стер. / Соссюр Ф. де — М.: КомКнига, 2006. — 256 с.
6. Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта / Звегинцев В. А. // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию — М.: Прогресс, 1984. — С. 356–363
7. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура / Гавранек Б. // Пражский лингвистический кружок (сб. статей) — М.: Прогресс, 1967. — С. 338–377.
8. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка/ Под ред. Б. А. Серебренникова. — Москва: Наука, 1970. — 597 с.
9. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.2 / Ельмслев Л. — М.: Просвещение, 1965. — с. 11–120.
10. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) / Косериу Э., 2-е изд., стереотипное. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 204 с.
11. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания / Степанов Ю. С. — М.: Просвещение, 1960. — 271 с.
12. Звегинцев В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений / Звегинцев В. А. // Новое в лингвистике — вып. 3. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — с. 125–142.
13. Скворцов Л. И. Норма. Литературные языки. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи / Скворцов Л. И. — М.: Наука, 1970. — С. 40–104.
14. Соколова В. В. Культура речи и культура общения / Соколова В. В. — М.: Просвещение, 1995. — 192 с.
15. Шахбагова Д. А. Фонетическая система английского литературного языка целостность, устойчивость, вариативность: автореф. дис. на соискание учен. степени д. филол. н.: 10.02.04 “германские языки” / Д. А. Шахбагова. — М., 1986. — 26 с.
16. Ярцева В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира. Проблемы языковой вариативности / Ярцева В. Н. — М.: Наука, 1990. — С. 4–26.
17. Едличка А. О пражской теории литературного языка / Едличка А. // Пражский лингвистический кружок (сборник статей) — М.: Прогресс, 1967. — с. 544–556.
18. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / Панов М. В. — М.: Наука, 1990. — 453 с.

УДК: 811.1011'373.49: 316

К. А. Кантур

ЯВЛЕНИЕ АНТРОПОСЕМИЧЕСКОЙ ЭВФЕМИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ “ПСИХОФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ” (на материале английского, французского, украинского и русского языков)

Стаття висвітлює питання, пов'язані з явищем антропосемічної ефемії на прикладі концептуальної області “Психофізичні особливості індивідуума” у різносистемних мовах, з критеріями відбору антропосемічних евфемізмів в сучасній лексикографії, функціонуванням антропосемічних евфемізмів та їх прагматичними завданнями в комунікативному просторі, а також спрямована на визначення факторів, що обумовлюють поновлення словникового фонду мови новими одиницями на матеріалі англійської, французької, української та російської мов.

Ключові слова: *евфемізм, евфемія, антропосемія, мітигація, лінгвістичний дискурс, критерії відбору, сучасна лексикографія, дисфемізм, концептуальна область.*

Статья рассматривает вопросы, связанные с явлением антропосемической эвфемии на примере концептуальной области “Психофизические особенности личности” в разносистемных языках, с критериями отбора антропосемических эвфемизмов в современной лексикографии, функционированием антропосемических эвфемизмов и их прагматическими задачами в коммуникативном пространстве, а также направлена на определение факторов, обуславливающих пополнение словарного фонда языка новыми единицами на материале английского, французского, украинского и русского языков.

Ключевые слова: *эвфемизм, эвфемия, антропосемия, митигация, лингвистический дискурс, критерии отбора, современная лексикография, дисфемизм, концептуальная область.*

The article deals with the questions connected with the phenomenon of anthroposemic euphemia on the model of the “Psychophysical features of the

personality” concept sphere in different systems languages, with the euphemism selection criteria in modern lexicology, euphemisms functioning and their pragmatic issues in the linguistic discourse by the means of factors, stipulating the enriching of the language euphemistic field with new items on the materials of English, French, Ukrainian and Russian languages.

Key-words: *euphemism, euphemia, anthroposemia, mitigation, linguistic discourse, selection criteria, modern lexicography, dysphemism, conceptual sphere.*

Проблемы антропосемической эвфемии неоднократно поднимались как в отечественной, так и зарубежной лингвистической литературе [1; 2; 3; 4; 5].

Однако, если раньше основное внимание уделялось системным характеристикам антропосемических эвфемизмов, то в последнее время акценты сместились в сторону прагматической направленности и особенностей функционирования в различных типах дискурса [6; 7].

Большую роль антропосемические эвфемизмы, которые определяются как слова и выражения, употребляемые “для непрямого, прикрытого обозначения предмета, человека или явления, называть которое прямо не принято или неудобно в данной ситуации” [7], играют в социальном коммуникативном пространстве. Здесь они широко используются в качестве одного из средств создания положительного или нейтрального имиджа отдельных лиц. Подробнее остановимся на особенностях использования эвфемистических средств в этой сфере.

Эвфемии подвергаются наименования различных дефектов внешности и других физических недостатков. Нежелательными являются все слова и выражения, в которых реализуется сема “*физическая ущербность*”, в частности, в русском языке это слово “инвалид”, в котором указанная сема является базовой. В целях политкорректности его рекомендуется заменять выражением “*человек с ограниченными возможностями*”.

В английском языке слово *invalid* определяется как “*someone, who cannot look after themselves because illness, old age, or injury*” [12: 807]. В данном определении подчеркивается беспомощность человека, его физическая ущербность, ограниченные возможности участия в общественной жизни. CP с CD *invalid* имеет ряд эвфемистических элементов (10 единиц), в том числе и те, которые включают квалификаторы *alternative, different, specific*. Все эти атрибутивы констатируют наличие определенных физических особенностей, но не оценивают

их как отрицательные, делающие людей изгоями общества (*a person of alternative abilities; a person of specific physical abilities*).

Некоторые сторонники PC считают, что слово *disabled*, которое первоначально использовалось как эвфемизм слова *invalid*, все же носит дискриминационный характер (из-за негативного префикса *-dis*). Поэтому было предложено использовать вместо него выражение *temporarily abled*, где слово *abled* имеет положительный аксиологический знак. [11: 75]

Вуалируются и конкретные физические недостатки человека.

Еще одна сфера широкого применения эвфемизмов — это сфера физических недугов человека. Использование эвфемизмов здесь оправдано в этическом плане: чтобы не травмировать инвалидов ещё и психологически, в различные виды дискурса вводятся лексические средства митигации, в том числе эвфемизмы. Напомним, что *invalid(s)* определяется как “*someone who cannot look after themselves because of illness, old age, or injury*” [12: 807]. В данном определении подчеркивается беспомощность человека перед лицом болезней и старости. Концепт-вокабула *invalidness* в английском языке имеет 2 эвфемистических субститута *disability* и *human difference*.

CP с CD насчитывает 7 эвфемистических выражений. Отклонение от нормы скрывается за такими гиперсемантами, как *differently, uniquely, differently abled, uniquely coordinated*. Применяется и термин: *having a sinus combination*.

Не актуализированы нежелательные семы и в выражении *a physically challenged person* с универсальным митигатором-номинантом *challenged*.

В английском языке CP с CD *lame* включает такие выражения, как (*people*) of *special coordination; non-traditionally figured (people)*. В этих эвфемизмах основной акцент благодаря квалификаторам *special non-traditional (ly)* делается на особенностях, отличиях от других людей, но не подчеркивается, что эти особенности являются ущербными, порочными. Семы “*feebleness*”, “*helplessness*”, “*immobility*” в этих англоязычных выражениях не профилируются. Человек с парализованными ногами обозначается с помощью метонимических эвфемизмов: *on the wheels, in the wheelchair*.

Ещё один, часто используемый эвфемистический маркер это слово *special*, которое благодаря своей гиперширокой семантике позволяет вуалировать наименование конкретного недуга. Так, *children invalids* благодаря эвфемии превращаются в *children with special health*.

С этой же целью используются эвфемизмы-адъективы *alternative*; *different* и *specific* (*with alternative abilities*; *with different abilities*; *with specific abilities*).

Подобные эвфемизмы дают возможность снять клеймо физической неполноценности, уравнять в правах всех людей независимо от их физического состояния, подчеркнуть, что все граждане одинаково ценны для общества независимо от их физических кондиций.

В украинском языке слово “кульгавий” при эвфемизации вытесняется выражениями “з повільною ходою”; “з неритмічною ходою”.

Парализованный человек упоминается как “людина у колясці”.

В русском языке используются эвфемизмы на метонимической основе: “в коляске”, “колясочник (колясочница)”, “на колесах”, когда речь идет о параличе ног.

Для того, чтобы избежать использования нежелательного слова “хромой” применяются различные выражения, указывающие на якобы необычную походку: “имеющий неуверенную походку”, “со странной походкой”. Причины этой “странности” в экспликационале не указывается.

Во французском языке при замене СД *boiteux* акцент в ряде эвфемизмов также делается на необычной походке: *Il marche a pas lourd* *Il marche a pas incertain* и др.

Используется, как и во всех ранее упомянутых языках, метонимический аналог *dans la voiture*.

Применяется в этом же значении и весьма деликатное выражение *qui mene la vie tranquille*, а также *qui mene la vie sédentaire* (тот, кто ведет сидячий образ жизни), где актуализируется сема статики.

В эвфемистически активном дискурсе имеют хождение слова и выражения, используемые для обозначения недостатков, связанных с дефектами органов чувств.

В рамках концептуальной микроподгруппы *Blindness* можно выделить целый ряд узуальных эвфемизмов, преимущественно в рамках агентивной и квалификативно-агентивной СР.

Прилагательное *blind* и его субстантивный аналог *the blind* в литературе по вопросам социологии, социального обеспечения и социального страхования, а также во многих СМИ называется весьма деликатно с помощью адвербиально-адъективного словосочетания [*Adv+Adj*], где используется один из самых эвфемистически активных элементов,— лексема *challenged: visually challenged [person]*.

Этот ряд продолжают адвербиально-адъективные выражения [*Adv+Adj*] с достаточно книжно звучащим наречием *optically*, взятым из научного обихода: *optically challenged*; *optically inconvenienced*; *optically marginalized*, а также менее герметичная коллокация *optically handicapped [person]*.

Трудно считать полноценным эвфемизмом данного СР лексему *non-sighted*, поскольку она имеет, как и СД, эксплицитивал “*unable to see*” и не зафиксирована в качестве эвфемизма ни одним из использованных в данной работе словарей.

Вряд ли можно считать эвфемизмом, как это делает Б. Холдер, и англоязычный композит *sight-deprived*, который слишком явно указывает на характер физического недостатка и на психологические последствия его осознания. Напомним в этой связи, что основное значение слова *deprived* определяется следующим образом: “*deprived adj not having the things that are necessary for a comfortable or happy life*” [12: 397].

Прилагательные *challenged*, *handicapped*, *inconvenienced*, *marginalized*, в отличие от *deprived*, лишь в самом общем виде указывают на проблему со зрением, не абсолютизируя указанный недостаток и поэтому, на наш взгляд, выражения, в которых они применяются, можно квалифицировать если и не как полноценные эвфемизмы, то по крайней мере как периферийные элементы соответствующей концептуальной микроподгруппы.

В данном микрополе также имеются свои эвфемизмы. В микрогруппе “Сленом” (*Blindness*) СР с СД *blind* насчитывается 7 эвфемистических элементов.

Выражения с наречием *optically*, а именно: *optically handicapped*; *optically inconvenienced*; *optically marginalized*, представляются нам недостаточно герметичными, так как используемые здесь квалификаторы сохраняют свой пейоративный аксиологический знак. Очевидно, их можно рассматривать лишь как периферийные элементы эвфемистической зоны данной микрогруппы (*Blindness*).

В украинском и русском языках аналогичные мелиоративные функции выполняют слова и выражения “людина з проблемами зору”; “человек с ослабленным зрением”, где сема полной слепоты заменяется семей частичной потери зрения.

В микрогруппе “Глухота” СР с адъективной СД *deaf* в английском языке также включает эвфемизмы с элементами *challenged*, *handicapped* и *inconvenienced*, используемыми в комбинации с нареч-

ным элементом *aurally*, характерным для научного стиля речи (*aurally challenged; aurally handicapped* и др.). Сюда же относится и препозитивное выражение *with impaired hearing*, в котором нет семы полной глухоты. Подчеркивается, что слух якобы лишь несколько ухудшился. Таким образом, эвфемизация здесь осуществляется за счет преуменьшения степени проявления нежелательного качества, а данное словосочетание может быть квалифицировано как периферийный эвфемизм.

Отметим, что в газете Daily Telegraph от 1 октября 1990 г. подчеркивалось, что департамент по равным возможностям и расовым вопросам Дербширского графства в своем меморандуме, исходя из соображений политкорректности, потребовал именовать глухих не иначе, как “*people with impaired hearing*”. Такие же решения были приняты и в некоторых других регионах Великобритании, что привело к распространению и закреплению данного эвфемистического образования в официальных сводках, документах, отчетах, где речь идет о детях с ослабленным слухом.

В русском языке эвфемистическими аналогами слова “*глухой*” являются “*человек с проблемами слуха*”, “*человек с ослабленным слухом*”, “*человек с ограниченным слухом*”. Сема полного отсутствия качества / свойства заменяется семой его частичной потери.

В украинском языке (глухий / нечуючий) имеет эвфемистические заместители “*із вадами слуху*”, “*з послабленим слухом*”. Слова, указывающие на отсутствие способности слышать, заменяются выражениями, где это указание на абсолютное отсутствие качества / свойства снимается. Однако наличие пейоративного слова в первом выражении позволяет рассматривать данный заместитель только как периферийный эвфемизм.

Во французском языке преобладают слова и выражения с указанием на меньшую степень проявления того или иного физического недостатка. Так, вместо *aveugle* используется выражение *avec la vue faible*; вместо квалификатора *sourd* применяется менее категоричное выражение *avec l'oreille dure*.

К недостаткам, которые не принято называть в связи с требованиями этики и политкорректности, относится уродство, различные естественные и приобретенные дефекты лица.

Сема “*уродство*” относится к числу нежелательных и даже запрещенных. Поэтому пейоративные квалификаторы “*уродливый*”, “*некрасивый*”, “*противный*”, “*отталкивающий*” и др. заменяются эвфе-

мистическими квалификаторами с затемненными стигматическими коннотациями: “*обычный (ая)*”; “*с видимыми отличиями*”, “*не очень привлекательный (ая)*”.

В английском языке СР с СД *ugly* насчитывает 10 элементов, в том числе *facially disfigured; having problems with appearance; with facial difference; with a different appearance; visibly different; with visible differences*. Как можно заметить, в большинстве из них сема “*ugly*” вытесняется семой “*different*”, которая указывает на наличие определенных особенностей внешности, но не квалифицирует их как негативные.

Во французском языке используются литотные образования: *non trus atrayant; not trus captivant*.

В менее официальных контекстах встречается выражение *qui ne paye pas de mine*. Во всех этих случаях не актуализируется запрещенная с точки зрения сема *laid*.

В украинском и русском языках также были зафиксированы метонимические образования: “*не дуже приваблива*”, “*не очень привлекательная*”, “*которая не отличается особой красотой*” и др. Этот ряд продолжают и выражения с универсальными полисематичными эвфемизмами “*необычный*”, “*особый*”, “*оригинальный*”, “*неординарный*”, “*незвичайний*”, “*оригінальний*” и др.

В украиноязычную выборку попало также выражение “*яку бог не наділив вродою*” [8].

Встречались в украинском языке и достаточно оригинальные развернутые эвфемизмы, в частности “*така, яку не хочеться цілувати і якій не тягне зазирати за виріз сукні*” [Кон.], а также “*з такою зовнішністю, що люди, які тебе не знають і випадково опинилися поряд, мимоволі починають перевіряти, чи на місці їхній гаманець*” [Кон.]. В последнем случае речь идет об отталкивающем внешнем виде, который обычно имеют люди, называемые декларированными элементами: “*Женищина, имеющая внешнее несовершенство*” [Пелевин Священная: 15].

В плане комплекции стройность и даже худоба не считаются недостатками. Эталон западноевропейской и американской красоты требует отсутствия жировых отложений. Не приветствуется излишний вес также в Украине и России. Излишний вес также ассоциируется с нездоровьем [10]. Поэтому для микрогруппы *Overweight*, в отличие от микрогруппы *Underweight* (всего 2 эвфемизма — медицинский термин *anorexia nervosa* и словосочетание *eating disorder*), характерна достаточно активная эвфемизация.

В агентивном СР с доминантой *fat* — *fat* [*man(woman)*] находится и выражение *calorie counter* (тот, кто считает калории; борец с калориями), построенное на метонимической основе (излишние калории дают излишний вес). Данное выражение встречается преимущественно в рекламных буклетах, предлагающих средства для борьбы с излишним весом.

Так, прямые атрибуты, указывающие на полноту как мужчины, так и женщины, — *obese*, *thick* и другие элементы СР с СД *fat*, заменяются разноструктурными выражениями эвфемистического характера в том числе: *differently weighted*, *having / with an alternative body image*, а также композитами *big-boned* и *full-figured*, в которых отсутствуют прямые указания на излишнюю тучность. Прилагательные *alternative* и *differently* переносят акцент с отрицательных сторон тучности на необычность, непохожесть, отличие от того, что принято считать стандартным, эталонным. Наречие *traditionally* указывает на то, что большинство женщин склонны к полноте, во всяком случае в зрелом возрасте. Ср. с СД: *fat* — “*weighing too much because you have too much flesh on your body*” [11: 544] и с максимально приближенным к СД прилагательным “*obese* — *very fat in a way that is unhealthy*” [11: 1049], где подчеркивается, что излишний вес это признак физического нездоровья. Попутно отметим, что вышеприведенное определение лексемы *fat* отличается некоторой неточностью: слово *flesh* не относится к жировым отложениям. Такие детерминанты, как *too much*, указывают на неодобренный характер подобной квалификации физического состояния человек.

Не меньшей эвфемистической силой обладает и выражение *quantitatively challenged*, где за адвербиальным квантитативом скрывается указание на излишний вес — *overweight / superweight*.

В английском языке СР с СД *fat* насчитывает 13 единиц, в том числе сюда относятся такие выражения, как *having / with an alternative body image*; *quantitatively challenged*, где применяются универсальные обобщенные квалификаторы девиации “*alternative*” и “*challenged*”, которые не профилируют нежелательную сему “*fat*”. Эти квалификаторы приносят акцент с отрицательных сторон тучности на необычность, непохожесть, отличия от того, что принято считать стандартным, эталонным для фигуры.

Проведенный нами анализ позволил выявить в рамках данного микрополя и авторские окказиональные эвфемизмы.

Например, Э. Олби в пьесе “Кто боится Вирджинии Вулф” использовал полужутливый окказионализм из СР *fat man*:

George: I've always been *lean*... I haven't *put on pounds* since I was your age. I don't *have a paunch*, either... what I've got... *I've got this little distension just below the belt*...

[Albee who's afraid: 155].

Лексема *distension* заменяет здесь первичное выражение *fat layer*.

Имеются и квалификаторы-эвфемизмы, которые характеризуют только полных женщин или только полных мужчин. Так, “женскими” эвфемизмами в данном макрополе являются слова и выражения *ample generously built*; *generously proportioned* или *generously sized*, где семы “*wide*” и “*commodious*” вытесняют нежелательную сему “*fat*”, которая переходит в импликационал значения.

Полные мужчины при эвфемизации превращаются в людей, испытывающих дискомфорт якобы не из-за своего лишнего веса, а из-за своих “горизонтальных” размеров — *horizontally challenged* [*man*]. Весовые параметры в этом “мужском” эвфемизме заменяются линейными, что позволяет снять ассоциации с болезнью, старостью, отсутствием физической формы, которые обычно возникают при упоминании о тучности.

Ослабевает эвфемистический потенциал квалификатора *oversized*. У С. Моэма данное прилагательное, несколько модифицированное, *over life-sized* ещё использовалось как полноправный эвфемизм:

My hostesses were two women, much *over life-size* <...>fond of eating out of paper bags

[Maugham Voice... 93]

Однако в настоящее время его вытесняет композит *full-figured*: По этому поводу Т. Толстая в своей статье “Политическая корректность” замечает:

“Если раньше толстяк назывался в лучшем случае *oversized person*, то есть предполагалось, что есть размер (*size*) нормальный, а есть и другие, сверх нормы, то теперь надо говорить *full-figured*” [Толстая Изюм 2003].

В качестве эвфемизма данная лексема зарегистрирована и в словаре Холдера [Holder 2008: 190].

Сюда же относится и препозиционный эвфемизм *of classic proportion*, в котором очевиден намек на габариты женщин с картин Рубенса и других художников эпохи Возрождения, подчеркивающих телесное начало в женщине.

В украиноязычную выборку, в частности, попало выражение “*жінка класичних пропорцій*”.

В русском языке встречаются выражения с так называемыми “квазиэталонными элементами” (термин Ю. Апресяна), взятыми из сферы живописи: “женщина Рубенсовских пропорций”; “кустодиевская женщина”; “кустодиевская мадонна” и др.

К “мужским” эвфемизмам данного микрополя можно отнести композит *big-boned* и препозитивное выражение *with the stomach* с намеренными анатомическими неточностями (костная структура; желудок → жировые отложения).

В русском языке аналогичные функции выполняют выражения “с брюшком”; “с животиком”; “весьма упитанный (мужчина)”; “солидный”; “крупный”; “импозантный”.

Во французском языке были зафиксированы выполняющие эвфемистические функции прилагательные *imposant* и *posé*, где сема *obuse* не эксплицирована.

Имеются эвфемизмы и у СД субстантивного ряда *fatness*. В субстантивный ряд с СД *fatness* входят такие эвфемизмы, как *a control*; *cellulite* и *middle-age spread*. В этот ряд входит, например, слово *ample* с первичным значением “*wide and commodius*” [Holder: 80], а также выражения *generously built*, *generously proportioned* и *generally sized*, где интегральным семантическим признаком с *fat* и *obese* является признак “*larger or more than the usual size or amount*” [11: 634].

Негативные семы в указанных эвфемизмах затемняются, — в них подчеркивается многообразие, которое только и делает мир красочнее. Благодаря такому подходу, который в первую очередь культивируется глянцевыми журналами, у многих читателей, страдающих ожирением, повышается самооценка, исчезают комплексы неполноценности, а тиражи этих изданий значительно возрастают. В этом проявляется важная прагматическая роль эвфемизмов, которые помогают создать положительный психологический климат и достичь психологического комфорта личности.

Наряду с системными, — узуальными, встречаются и окказиональные эвфемизмы данного микрополя. Это прежде всего касается художественных форм коммуникации.

У мастера эвфемии С. Моэма в повествовании от первого лица в рассказе “Голос горлицы” (“*The Voice of the Turtle*”) полные женщины характеризуются с помощью сверхсловного образования “*over life-size [women]*”, которое не зафиксировано ни одним из словарей эвфемизмов, что позволяет говорить о нем как об окказиональном элементе: *My hostesses were two women, much*

over life-size, in early middle life <...> fond of eating out of paper bags [Maugham, Voice...: 93].

Подобные высказывания соответствуют общему ироническому тону всего произведения писателя.

Вместе с тем, решая иные художественные задачи в рассказе “*The Three Fat Women of Antibes*” С. Моэм, наоборот, всячески подчеркивает полноту этих трех женщин и даже несколько утрирует описание с помощью указаний на избыточность веса: *...her delicate features had grown muzzy with fat* [Maugham, Three...: 353].

Миссис Сатклиф, о которой таким образом отозвался автор, утешается только тем, что две её подруги отличаются ещё большей тучностью и по сравнению с ними она выглядит почти стройной:

What she liked about Beatrice Richman and Frances Hickson was that they were both so much *fatter* than she, it made her look quite slim <...> [Maugham, Three...: 353].

На фоне многократно повторяющегося слова *fat* как метонимический эвфемизм воспринимается следующее высказывание по поводу полноты трех героинь рассказа:

Nothing impaired their good humour but *the scales* [Maugham, Three...: 355].

Метонимически образованный эвфемизм *scales* здесь эквивалентен по значению субстантиву *superweight* или *obesity*.

Вместе с тем самим героиням неприятно называть себя *fat*. Когда в повествование вклиниваются голоса героинь, — полных женщин, старающихся хоть немного похудеть, то прилагательное *fat* уступает место более мягкому эвфемистическому *vast*:

Beatrice was sitting at one of the tables, by herself <...>. *Fat, nay vast*, as she was, none could deny that she was an extremely handsome woman [Maugham, Three...: 369].

Хотя прилагательное *vast* косвенно, но тоже достаточно откровенно, указывает на излишний вес (определители *extensive*, *very large*; *immense*), героиням оно кажется более мягким, что позволяет квалифицировать его как субъективный эвфемизм персонажа, а по большому счету и самого автора произведения. Очевидно, не считают устойчивым эвфемизмом слово *vast* и авторы соответствующих специальных словарей: ни в одном из них лексема *vast* не фигурирует.

Тем не менее рассказчик у С. Моэма словно делает маленькую уступку своим полным героиням, заменяя прилагательное *fat* на слово *vast*, которое не вносит в ситуацию кардинальных изменений: их сто-

ицизм терпит крах, — в конце рассказа они отказываются от диеты и обретают давно потерянное из-за постоянных ограничений в пище душевное равновесие.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вандриес К. Язык. Лингвистическое введение в историю. — М.: УРСС, 2001. — 408с.
2. Galperin I. R. Stylistics. — М.: Higher School, 1977. — 332р.
3. Стилистика английского языка / А. Н. Мореховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст и др. — К.: Вища школа, 1984. — 248с.
4. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования// Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58–70.
5. Селванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. — Полтава: Довкілля, 2006. — 716с.
6. Дмитрук О. В. Маніпуляція поняттями і фактами в сучасних англомовних ЗМІ// Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. — 2005. — № 667. — С. 57–61.
7. Слепович В. С. Курс перевода (английский/русский язык). — 4 изд., перераб и доп. — Мн.:Тетра Системс, 2004. — 320с.
8. Панас-Мирний Повія. — Київ: Дніпро, 1965. — 509 с.
9. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: Роман. — М.: Изд-во ЭСКМО, 2004, — 384 с.
10. Федотова Л. Н. Социология массовой коммуникации. — СПб.: Питер, 2003. — 400с.
11. Holder B. A Dictionary of Euphemisms: How not to Say what you Mean / B. Holder. — Oxford: University Press, 2008. — 412р.
12. Longman Exams Dictionary. — L.: Pearson Educated Limited, 2006. — 1832р.
13. Longman Dictionary of Contemporary English. — Avon: The Bath Press, 1987. — 1304р.
14. Maugham S. Selected Stories / S. Maugham. — Вінниця: Теза, 2088. — 181р.
15. Maugham S. Rain and Other Short Stories/ S. Maugham. — М.: Progress Publishers, 1997. — 407 р.
16. US News and World Reports. 1996. № № 1 — 6.
17. Vidal G. The Best Man // Best American Plays: Fifth Series (1958 — 1963). — N. Y.: Crown Publishers, Inc., 1977. — P. 635–674р.

УДК 82. 091

Т. І. Котовська

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ХУДОЖНІХ ТЕКСТІВ ДЖ. Д. СЕЛІНДЖЕРА (на матеріалі роману “Ловець у житі”)

У статті розглядаються особливості лінгвокультурологічної інтерпретації роману Дж. Д. Селінджера “Ловець у житі”, зокрема, аналізується символіка роману, зіставляється низка фразем з оригіналу англійською мовою і в українськомовному перекладі, наводяться інтерпретації назви художнього твору.

Ключові слова: лінгвокультурологічна інтерпретація, символ, фразема, художній текст.

В статті розглядаються особливості лінгвокультурологічної інтерпретації роману Дж. Д. Селінджера “Над пропастью во ржи”, в частині, аналізується символіка роману, зіставляється ряд фразем в англійському оригіналі і українському перекладі, приводяться інтерпретації назви художественного произведения.

Ключевые слова: лингвокультурологическая интерпретация, символ, фразема, художественный текст.

The article investigates the peculiarities of the linguocultural interpretation of J. D. Salinger's novel The Catcher in the Rye. The symbols of the novel are analysed, some phraseological units in the English text and in the Ukrainian translation are compared, as well as some interpretations of the novel's title are given.

Key words: linguocultural interpretation, symbol, phraseological units, fiction.

Посутньою стратегією сучасної лінгвістики є перехід від вивчення текстової інтегративної структури до аналізу тексту як комунікативної системи (дискурсу), детермінованої такими складовими, як особистість автора в сукупності його психологічних, ментальних, соціально-культурних, етнічних та інших рис; адресат та рівень його сприйняття; позалінгвальні чинники трьох типів ситуації: того, про що йдеться в тексті; того, що опосередковує його створення в соціо-